

Витка Снитирёв и Дневник, Который Нельзя Читать

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

Витька Снигирёв и дневник, который нельзя читать

<https://litres.ru/74573333>

SelfPub; 2026

Аннотация

Витьке Снигирёву десять лет, и он точно знает: в жизни не хватает настоящего. Настоящих тайн, настоящих приключений, настоящих слов.

Однажды он заводит дневник. Толстую клеёнчатую тетрадь, на первой странице которой выводит: «ЧИТАТЬ НЕЛЬЗЯ. Даже маме». А потом в классе появляется новичок — странный, неудобный, слишком серьёзный для четвёртого класса. И вместе с ним приходит тайна: старый дубовый шкаф в кабинете географии, запертый на ключ. Шкаф, в котором лежат чужие дневники. И один из них — Витькин. Только написанный шестьдесят лет назад.

Это история о том, как мальчик впервые говорит «нет» друзьям. О ночном разговоре с папой на кухне. О том, что взрослеть — значит выбирать самому. И о том, что «как лучше» бывает по-разному.

Для кого: для детей 9–12 лет, их родителей и всех, кто помнит, каково это — впервые почувствовать, что ты живёшь по-настоящему.

Содержание

Глава 1. Клеённая тетрадка	6
Глава 2. Первая запись	10
Глава 3. Новичок	13
Глава 4. Старый шкаф	17
Глава 5. Ночная экскурсия	21
Глава 6. Что произошло в темноте	25
Глава 7. Разговор на кухне	29
Глава 8. Витька говорит «нет»	34
Глава 9. Ключ	37
Глава 10. Что было в шкафу	42
Глава 11. Ночное чтение	48
Глава 12. Сторож	53
Глава 13. Разговор с учителем	58
Глава 14. Второй дневник	63
Глава 15. Дневник Артёма	66
Глава 16. Возвращение	72
Эпилог. Через много лет	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Сергей Диковинный Витька Снегирёв и дневник, который нельзя читать

Глава 1. Клеёнчатая тетрадка

— Снигирёв! Опять в облаках витаешь?

Витька вздрогнул и уронил пенал. Ручки раскатились по полу — синяя, зелёная, красная, — как будто разбежались в разные стороны и спрятались под чужие парты.

Тамара Ильинична стояла у доски, держа мел, и смотрела на него поверх очков. Мел был белый, а взгляд — серый. Витька уже знал этот взгляд. Так смотрят, когда ты вроде бы ничего не сделал, но всё равно виноват. Потому что думал не о том. Потому что смотрел в окно, а за окном летел тополиный пух — медленно, лениво, будто ему было решительно всё равно, что сейчас урок русского языка и что нужно писать «жи-ши» с буквой «и».

— Я слушаю, — сказал Витька. И это была почти правда. Он слышал, как Тамара Ильинична говорит что-то про падежи. Просто падежи проплывали мимо, как тот самый пух, и не задевали его.

— Слушаешь он, — вздохнула Тамара Ильинична. — Слушать надо не ушами, Снигирёв. Слушать надо головой.

Витька наклонился собирать ручки. Под партой было темно, пахло старым деревом и чьей-то жвачкой, приклеенной к железной ножке неизвестно когда. Он вылез, красный, и весь класс уже смотрел на него — кто с сочувствием, кто с удовольствием.

Егор Круглов, сидевший за ним, прошептал:

— Снигирь, ты опять в космос улетел.

— Я не улетел, — прошептал Витька. — Я думал.

— О чём?

Витька не ответил. Потому что не мог объяснить. Он думал о том, что где-то там, за окном, за тополиным пухом, за школьным забором, есть жизнь, в которой всё происходит по-настоящему. Настоящие тайны, настоящие приключения, настоящие слова. А здесь, в классе «Б», всё было понарошку. Даже падежи.

После урока Витька вышел в коридор и увидел, как старшеклассники стоят у окна и о чём-то тихо разговаривают. Один, высокий, держал в руках тетрадку с чёрной клеёнчатой обложкой. Потом захлопнул её, сунул за пазуху — и пошёл. Быстро, не оглядываясь.

Витька смотрел ему вслед и не понимал, что именно зацепило. Что-то в том, как тот прижимал тетрадку к груди. Как будто это была не тетрадка. Как будто там лежало что-то живое.

На следующий день Витька пришёл в школу раньше всех. В портфеле у него лежала новая тетрадь. Толстая, в клеёнчатой обложке — тёмно-синей, с блестящими пупырышками. Он купил её вчера в канцелярском магазине на углу. Долго выбирал. Продащица спросила: «Тебе для чего? Для контрольных?» Он сказал: «Для одного дела». Она улыбнулась, но он не улыбнулся в ответ. Потому что это было не смешно. Это было серьёзно.

На первой странице он вывел печатными буквами:

ДНЕВНИК. ЧИТАТЬ НЕЛЬЗЯ.

Подумал, потом добавил:

В.С.

И ещё подумал, и дописал:

Даже маме.

Последнее — самое важное. Мама у Витьки была хорошая. Но у неё была привычка заглядывать в его вещи «просто посмотреть, всё ли в порядке». Витька подозревал, что если оставить дневник просто так, она прочтает его из лучших побуждений. А лучшие побуждения — они хуже всего, потому что против них не поспоришь.

Он спрятал дневник в старую папину папку от ноутбука, а папку — под кровать. Между коробкой с конструктором и книжкой «Тимур и его команда», которую он так и не прочитал.

Потом сел за стол и стал думать, что писать.

Это оказалось труднее, чем он думал.

Глава 2. Первая запись

7 сентября.

Сегодня ничего не произошло. Но я решил, что буду пи-

сать каждый день. Потому что если не писать, то ничего и не запомнится. А если не запомнится — значит, и не было.

В классе ничего нового. Круглов опять получил пятёрку по математике. Я — четвёрку. Даша Ким сказала, что у меня «почерк как у доктора». Не знаю, что это значит. Наверное, плохо.

Самое интересное сегодня — старшеклассник с чёрной тетрадкой. Я видел его в коридоре. Он опять держал тетрадку и никому не показывал. Интересно, что там?

Всё. Пока писать больше нечего. Спокойной ночи, дневник.

Витька закрыл тетрадь и посмотрел на неё. Строчки получились кривые — буквы заваливались в разные стороны, как пьяные солдатики. Но ему понравилось. Это было похоже на голос. На его собственный голос, только без голоса.

Он сунул дневник обратно под кровать и пошёл ужинать. На кухне папа читал газету, а мама рассказывала про тётю Олю с работы, которая опять потеряла ключи. Витька жевал котлету и думал про чёрную тетрадку. Кто её хозяин? Почему он прячет? Что там написано?

— Витя, ты меня слышишь?

— А? Да. Тётя Оля. Ключи.

— Не тётя Оля, а я спрашиваю: ты уроки сделал?

— Сделал.

— А дневник?

— Какой дневник?

Мама посмотрела на него внимательно.

— Школьный, Витя. Школьный дневник. Который надо заполнять.

— А. Да. Сейчас.

Он не сделал школьный дневник. Он вообще про него забыл. И это было странно, потому что школьный дневник ему совсем не казалось важным. Настоящий дневник был другой. Тот, который под кроватью. Тот, который нельзя читать.

Той ночью Витька почти не спал. Он лежал и смотрел в потолок, где свет от уличного фонаря рисовал серые полосы — как будто кто-то провёл пальцем по пыли. И думал.

Он думал о том, что в его жизни всё как-то слишком просто. Уроки, перемены, котлеты, «ложись спать, завтра в школу». А где тайны? Где приключения? Где что-то настоящее?

Он думал о чёрной тетрадке. О том, что если кто-то прячет тетрадку, значит, там есть что-то, что нельзя показывать. А если есть что-то, что нельзя показывать, значит где-то есть тайна. А где тайна — там жизнь.

Витька повернулся на бок и натянул одеяло до подбородка.

Где-то далеко-далеко, за окном, прошла машина. Свет фар скользнул по стене и исчез.

«Ладно, — подумал Витька. — Я найду свою тайну. Даже если для этого придётся долго искать».

Он не знал, что тайна уже стоит на пороге. И что она не будет ждать.

Глава 3. Новичок

Он появился в понедельник.

Тамара Ильинична вошла в класс вместе с ним — мальчи-

ком небольшого роста, в очках с толстыми линзами, с очень белыми, почти прозрачными руками. Он стоял у доски и смотрел на всех спокойно, без страха и без интереса, как будто уже видел всё это раньше и не ждал ничего нового.

— Ребята, это Артём Лебедев, — сказала Тамара Ильинична. — Он перешёл к нам из другой школы. Прошу любить и жаловать.

«Любить и жаловать» — Витка знал эту фразу. Она означала: «Ведите себя прилично, не устраивайте цирк, а если кто-то устроит — я сделаю так, что он об этом пожалеет».

Артём молчал.

— Артём, расскажи нам о себе, — предложила учительница.

— Нечего рассказывать, — сказал он.

В классе стало тихо. Даже Круглов перестал крутить ручку.

— Как это — нечего? — улыбнулась Тамара Ильинична. — Где ты раньше учился? Чем увлекаешься? Какой у тебя любимый предмет?

Артём подумал.

— Любимый предмет — история, — сказал он. — Остальное неважно.

— Ну, а хобби? Спорт? Музыка?

— Читаю.

— Что читаешь?

— Разное. В основном то, что не задают.

Тамара Ильинична моргнула. Витька заметил, что она не знала, что сказать. Это было редко. Тамара Ильинична всегда знала, что сказать.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Садись... вон туда. Рядом со Снигирёвым.

Артём пошёл по проходу. Витька смотрел, как он идёт — медленно, не суетясь, будто ему всё равно, куда идти и что о нём думают. Он поставил рюкзак на пол, сел за парту и молча достал тетрадку. Обычную, в линейку, без обложки.

— Привет, — сказал Витька.

Артём посмотрел на него. У него были серые глаза — очень светлые, почти как вода в стакане.

— Привет.

— Я Витька.

— Я знаю. Слышал, как тебя называли.

— Ага. Снигирь.

— Снигирь — это птица, — сказал Артём.

— Клест, — поправил Витька. — Клёст-еловик. Он живёт в хвойных лесах.

Артём чуть заметно улыбнулся. Впервые.

— Ты знаешь птиц?

— Немного. Мы с папой в прошлом году ездили в лес, и он мне показывал. Там был клёст. Он гнездо вил в январе, представляешь? В самый мороз.

— Клесты гнездятся зимой, — кивнул Артём. — Потому что их птенцы питаются семенами шишек.

— Да! Точно.

Они замолчали. Но это было не неловкое молчание. Это было молчание людей, которые только что обнаружили, что говорят на одном языке.

На перемене Круглов подошёл к Витьке.

— Новенький — странный, — сказал он. — Ты видел его очки? Он как профессор.

— Ну и что?

— Ничего. Просто странный. Ты с ним не водись.

— Почему?

Круглов посмотрел на него как на больного.

— Потому что он новенький, Снигирь. Он не вписался. Понял?

Витька не понял. Но кивнул — на всякий случай.

А вечером он записал в дневнике:

8 сентября.

Сегодня в классе появился новенький. Артём Лебедев. Он читает то, что не задают. И знает про птиц. И говорит: «Нечего рассказывать». Мне кажется, он врёт. Мне кажется, ему есть что рассказать. Но он не хочет.

Круглов сказал с ним не водиться. Но я не понимаю, почему. Ведь если человек интересный — с ним надо водиться. Разве нет?

Пока не знаю.

Глава 4. Старый шкаф

Кабинет географии был на третьем этаже, в самом конце коридора. Туда редко кто заходил после уроков — только

старшеклассники, которые сдавали экзамены, и учителя, которые искали карты. А ещё там стоял шкаф.

Витька увидел его впервые, когда их класс привели сюда на занятие кружка «Занимательная география». Кружок был скучный, вёл его старый учитель Виктор Петрович, который всё время рассказывал про почвы и осадки. Но шкаф...

Шкаф был огромный. Дубовый, с двумя дверцами, с резьбой по краям — какие-то листья, грозди, птицы с длинными хвостами. Он стоял в углу и был завален старыми картами, глобусами и стопками тетрадей. Витька подошёл к нему поближе, пока никто не видел, и потрогал дверцу. Дверца была заперта. Замочная скважина — тёмная, узкая, с зазубринами. Ключа не было.

— Интересуешься?

Витька обернулся. Артём стоял рядом, в руке — учебник.

— Он заперт, — сказал Витька.

— Вижу.

— Интересно, что там.

Артём долго смотрел на шкаф. Потом сказал:

— Что бы там ни было, оно там давно. И никуда не денется.

— А если мы откроем?

— А зачем?

Витька задумался. Зачем? Вопрос был честный.

— Чтобы узнать, — сказал он.

— Узнать можно и без шкафа, — пожал плечами Артём.

— Нужно просто найти ключ.

— Ты знаешь, где ключ?

— Нет. Но я знаю, где его искать.

— Где?

Артём посмотрел на него внимательно. Опять этот взгляд

— как будто проверял, свой ли перед ним человек.

— У завхоза, — сказал он. — Тётя Клава хранит ключи в кабинете. В ящике. Я видел.

— Видел? Как?

— Я был у неё с запиской от Тамары Ильиничны. Просил мел для класса.

Витька смотрел на него и не понимал: это что, шутка? Или Артём серьёзно?

— Ты предлагаешь украсть ключ?

— Я не предлагаю красть, — сказал Артём спокойно. — Я предлагаю посмотреть. А потом вернуть на место.

— Это всё равно кража.

— Это исследование.

Витька задумался. С одной стороны, ключ брать без спроса — это плохо. Он точно знал, что плохо. С другой — если не брать, то никогда не узнаешь, что в шкафу.

— А если нас поймают?

— Не поймают, — сказал Артём. — Если будем осторожны.

— А зачем тебе это?

Артём не ответил сразу. Он снова посмотрел на шкаф —

долго, внимательно, как будто видел в нём что-то, чего не видел Витька.

— Потому что мне интересно. Разве этого мало?

Витька хотел сказать «мало». Хотел сказать, что интерес — это не повод лезть в чужие вещи. Хотел сказать, что лучше спросить у Виктора Петровича, что там внутри.

Но не сказал.

Потому что сам хотел узнать.

— Ладно, — сказал он. — Давай посмотрим.

Артём кивнул. Без улыбки, без радости. Просто кивнул, как будто они договорились о чём-то обыденном — например, сходить за хлебом.

А Витька вдруг почувствовал, что сделал шаг. Маленький, но настоящий. В сторону тайны.

И в сторону чего-то ещё. Чего-то, чего он пока не мог назвать.

Глава 5. Ночная экскурсия

Об экскурсии в музей объявили в среду.

— В пятницу, — сказала Тамара Ильинична, — мы идём

в краеведческий музей. Тема экскурсии — «История нашего края». Сбор у школы в шесть вечера. Форма одежды — школьная. С собой — блокнот и ручку.

Класс загудел.

— В шесть вечера? — удивился Круглов. — Это же ночь!

— В шесть вечера — это вечер, — поправила Тамара Ильинична. — Музей работает до восьми. Мы успеем.

— А потом? — спросил кто-то.

— Потом домой. Вас встретят родители.

Витька записал в дневнике:

10 сентября.

В пятницу идём в музей. Вечером. Я никогда не был в музее вечером. Говорят, там темно и страшно. Но я не боюсь. Ну, почти.

Артём сказал, что музей связан со шкафом. Как — не объяснил. Сказал: «Сам увидишь».

Интересно, что он имел в виду?

В пятницу они собрались у школы. Было прохладно, пахло осенью — сырой землёй и дымом от чьих-то костров за рекой. Круглов пришёл раньше всех и сразу начал рассказывать страшилки про музей — что там по ночам ходит смотритель, который умер сто лет назад, и что в подвале лежат кости мамонта, и что они шевелятся.

— Круглов, — сказала Даша Ким, — ты идиот.

— А ты проверь.

— Сама проверю, не переживай.

Витька стоял в стороне и смотрел на окна школы. Тёмные, пустые. В одном светился свет — наверное, у сторожа. Он подумал: а что, если сейчас, пока они тут стоят, кто-то ходит по коридорам и открывает шкаф? Что, если тайна раскрывается без него?

Он тряхнул головой. Глупости.

Музей был старый — двухэтажное здание с колоннами, покрашенными в жёлтый. Внутри пахло пылью и чем-то ещё — сухим деревом, старыми книгами, чуть-чуть — воском. Экскурсовод, женщина в тёмном платье, водила их по залам и рассказывала про древние племена, которые жили здесь тысячу лет назад.

Витька слушал вполуха. Он смотрел по сторонам — на витрины, на кости, на старые фотографии. И думал: где здесь шкаф?

Шкаф он нашёл в последнем зале.

Он стоял в углу — точно такой же, как в кабинете географии. Дубовый, с резьбой, с птицами на дверцах. Только здесь он был не заперт. Дверцы приоткрыты, за стеклом — старые книги, свитки, карты.

Витька подошёл ближе. Заглянул.

На полке лежала тетрадь.

Чёрная. В клеёнчатой обложке.

Он узнал её сразу — ту самую, которую держал старшеклассник в коридоре. Или такую же точно.

— Витька, — сказал Артём у него за спиной. — Ты ви-

дишь то же, что и я?

— Вижу.

— Это не совпадение.

— Я знаю.

Они стояли и смотрели. Экскурсовод что-то говорила про древние обычаи, класс слушал, а они стояли у шкафа и смотрели на тетрадь, которая не должна была здесь быть.

— Что будем делать? — прошептал Витька.

— Думать, — сказал Артём.

И в этот момент свет погас.

Глава 6. Что произошло в темноте

Сначала никто не понял.

Потом Даша Ким сказала: «Ой». Потом Круглов сказал:

«Это я не трогал». Потом экскурсовод сказала: «Спокойно, дети, сейчас проверю». И где-то в темноте кто-то заплакал — тихо, беззвучно, как будто боялся, что его услышат.

Витька стоял и не двигался. Рука сама нашла рядом что-то твёрдое — край витрины. Он ухватился за него.

— Артём? — позвал он.

— Здесь.

— Ты видишь что-нибудь?

— Нет. Темно.

— Что происходит?

— Не знаю.

Голос Артёма был спокойный. Слишком спокойный. Как будто он знал, что так будет. Как будто он ждал.

— Ты знал? — прошептал Витька.

— Что?

— Что свет погаснет.

Пауза.

— Нет, — сказал Артём. — Но я думал, что может.

В темноте кто-то прошёл мимо — Витька почувствовал движение воздуха, запах — что-то знакомое. Пыль, дерево, воск. Как будто кто-то открыл шкаф.

— Кто здесь? — спросил Витька.

Никто не ответил.

Потом свет включился.

Все стояли на своих местах. Экскурсовод — у витрины. Класс — группой у стены. Круглов — с открытым ртом. Да-

ша — с блокнотом в руке.

А шкаф в углу был закрыт.

Витька посмотрел на него. Дверцы — плотно, без щели. Стекло — тёмное, как будто за ним ничего нет. Тетради на полке — не было. Или она была, но её не было видно.

— Все целы? — спросила экскурсовод. — Это, наверное, пробки. У нас старое здание. Извините за неудобство.

Класс зашумел. Круглов начал рассказывать, что он видел в темноте чьи-то глаза. Даша сказала, что он врёт. Экскурсовод предложила закончить экскурсию.

А Витька стоял и смотрел на шкаф.

— Ты видел? — спросил он Артёма.

— Что?

— Тетрадь. В темноте. Кто-то её взял.

Артём молчал.

— Ты видел? — повторил Витька.

— Я видел, как кто-то прошёл мимо, — сказал Артём. — Не знаю кто.

— Но это был не из наших.

— Не из наших.

— Тогда кто?

Артём посмотрел на него. В глазах — что-то, чего Витька не понял. Не страх. Не удивление. Что-то другое.

— Не знаю, — сказал он. — Но узнаю.

Витька хотел спросить, как. Но не успел — Тамара Ильинична уже звала всех к выходу, и класс пошёл к лестнице,

и Круглов всё рассказывал про глаза, и Даша всё спорила с ним, и никто, кроме Витьки и Артёма, не смотрел на шкаф.

А когда Витька обернулся в последний раз, шкаф стоял открытый. Совсем чуть-чуть. На палец.

И в щели — темнота.

Глава 7. Разговор на кухне

Дома Витька не мог заснуть.
Он лежал и смотрел в потолок. Фонарь за окном рисовал

полосы, но сегодня они казались другими — длиннее, темнее. Как будто свет сдвинулся. Как будто в мире что-то сместилось.

Он встал. Тихо, на цыпочках, прошёл на кухню.

Там горел свет.

Папа сидел за столом. Перед ним — чашка чая, которая уже остыла. Он смотрел в стену и не двигался.

— Пап?

Папа обернулся. Не вздрогнул, не удивился. Просто посмотрел.

— Не спится?

— Ага.

— Садись.

Витька сел напротив. На столе лежала папина рука — большая, с широкими пальцами, с царапиной на костяшке. Витька смотрел на эту царапину и не знал, с чего начать.

— Пап, — сказал он наконец. — А бывает так, что ты что-то видел, но не понимаешь, что это было?

Папа отпил чай. Долго молчал.

— Бывает, — сказал он.

— И что тогда делать?

— Думать.

— А если не получается?

Папа улыбнулся — чуть-чуть, одними глазами.

— Тогда делать что-нибудь. Что угодно. Но не сидеть на месте.

Витька посмотрел на него. Папа был обычный. В пижаме, с растрёпанными волосами, с кружкой остывшего чая. Но в нём было что-то, чего Витька раньше не замечал. Спокойствие. Как будто он знал что-то, чего не знал Витька. И ждал, когда Витька спросит.

— Пап, — сказал Витька. — А ты когда-нибудь делал что-то, что нельзя?

Папа поднял бровь.

— В смысле?

— Ну... что-то, что было неправильно. Но ты всё равно делал. Потому что хотел узнать.

Папа поставил чашку. Посмотрел на Витьку внимательно — так же, как смотрел Артём. Как будто проверял.

— Делал, — сказал он. — Один раз. В пятом классе.

— Что?

— Залез в школьный подвал. С другом. Мы хотели найти старые журналы. Там были журналы за сто лет. Мы думали, что там что-то есть. Что-то важное.

— И что?

— Ничего. Просто журналы. Пыльные, скучные. Мы просидели там два часа и ничего не нашли. А потом нас поймал сторож.

— И что было?

— Ничего. Он нас не выдал. Сказал: «Идите домой, и чтобы я вас больше не видел». Мы пошли.

— И всё?

— И всё.

Витька молчал. Он ждал чего-то другого. Какого-то вывода, морали. Но папа просто сидел и смотрел в стену.

— Пап, — сказал Витька. — А зачем ты туда полез? Если там ничего не было?

Папа долго молчал.

— Потому что мне было интересно, — сказал он наконец. — И потому что я хотел узнать сам. Не из книжки, не от учителя. Сам.

— И ты не жалеешь?

— Нет. Я жалею только, что не нашёл. Но это уже другое.

Витька кивнул. Он понял.

Он встал, подошёл к папе и обнял его — крепко, как в детстве. Папа обнял в ответ.

— Иди спать, — сказал он. — Завтра будет новый день.

— Ага.

Витька пошёл к двери. У порога обернулся.

— Пап.

— Что?

— Спасибо.

Папа ничего не сказал. Просто кивнул и снова взял чашку.

А Витька пошёл в комнату и записал в дневнике:

12 сентября.

Сегодня я понял, что взрослые тоже когда-то были детьми. И делали то же самое. Может быть, это и есть взросление — когда ты понимаешь, что все всё понимают. Просто

молчат.

И ещё: папа сказал, что жалеет только о том, что ничего не нашёл. Я думаю, это важно. Наверное, важнее всего.

Глава 8. Витька говорит «нет»

В понедельник Круглов подошёл к нему на перемене.
— Снегирь, дельце есть.

— Какое?

— Мы с пацанами решили проверить музей. Ночью. Хотим узнать, что там было в пятницу. Ты с нами?

Витька замер.

— Как — ночью?

— Через окно. В подвале есть окно, оно не закрывается. Мы туда пролезем, посмотрим и вылезем. Никто не узнает.

— А если узнают?

— Не узнают. Мы всё продумали.

Витька смотрел на Круглова. Тот улыбался — уверенно, весело. Как будто это была игра. Как будто это было не страшно.

А Витька вдруг понял, что не хочет.

Не потому, что боялся. Хотя боялся тоже. Но не поэтому.

Потому что это было неправильно. Не «нельзя» — хотя и нельзя. А именно неправильно. Как будто он собирался предать что-то. Что-то, что было важнее.

— Я не пойду, — сказал он.

Круглов замер.

— Что?

— Не пойду.

— Ты чего, Снигирь? Струсил?

— Нет. Просто не хочу.

— А чего ты хочешь?

Витька не ответил. Потому что не мог объяснить. Он не мог сказать: «Я хочу узнать правду. Но не так». Не мог ска-

зять: «Я хочу, чтобы это было по-настоящему. А не по-дурачки».

Круглов смотрел на него. Потом сказал:

— Ладно. Как хочешь.

И ушёл.

Витька стоял в коридоре. Мимо шли люди — старшеклассники, пятиклассники, кто-то смеялся, кто-то спорил. А он стоял и чувствовал, что сделал что-то важное. Что-то, что нельзя было сделать по-другому.

Впервые в жизни он сказал «нет» друзьям. И не пожалел.

Вечером он записал:

13 сентября.

Сегодня Круглов позвал меня в музей. Ночью. Я отказался. Не знаю, правильно ли. Но мне кажется, правильно. Потому что если бы я пошёл, я бы предал что-то. Что — не знаю. Но что-то важное.

Круглов, наверное, обиделся. Но я не жалею.

Глава 9. Ключ

На следующий день Артём подошёл к нему после уроков.
— Пойдём, — сказал он.

— Куда?

— К завхозу.

— Зачем?

— За ключом.

Витька посмотрел на него.

— Ты серьёзно?

— Серьёзно.

— Но это же... — Витька замолчал. — Мы же договорились. Посмотреть.

— А потом вернуть.

— Но это всё равно...

Артём посмотрел на него. Опять этот взгляд.

— Ты хочешь узнать, что в шкафу?

Витька молчал.

— Хочешь или нет?

— Хочу.

— Тогда идём.

Они пошли. По длинному коридору, мимо кабинета биологии, мимо столовой, мимо спортивного зала. К кабинету завхоза — маленькой комнатке рядом с учительской. Дверь была приоткрыта.

Артём заглянул.

— Тётя Клава?

Никто не ответил.

Он толкнул дверь. Внутри было темно — только полоска света из коридора падала на пол, выхватывая край стола,

угол картонной коробки, спинку стула. Пахло валерьянкой и старыми газетами.

— Никого, — прошептал Витька.

— Я знаю. Она уходит в четыре.

— Откуда ты знаешь?

Артём не ответил. Он шагнул внутрь и сразу — уверенно — подошёл к столу. Витька остался у двери. Сердце стучало где-то в горле, и он всё время оглядывался в коридор — не идёт ли кто.

— Свет не включай, — сказал Артём.

— Я и не собирался.

Артём открыл верхний ящик стола. Витька услышал, как звякнуло железо — много железа, мелкое, как будто там лежали гвозди. Артём пошарил рукой, потом поднял что-то, и в полоске света блеснула связка ключей.

— Тут штук тридцать, — сказал он.

— Как ты найдёшь нужный?

— По бирке. На шкафу номер написан — «12». Я видел.

Он перебирал ключи — быстро, ловко, будто делал это каждый день. Витька смотрел на его руки и вдруг подумал: а откуда он всё знает? Откуда знает, что завхоз уходит в четыре? Откуда знает про бирку? Он ведь новенький — всего две недели в школе...

— Нашёл, — сказал Артём.

Он поднял маленький ключ с картонной биркой, на которой синими чернилами было написано «12».

— И что теперь?

— Теперь идём в кабинет географии.

— А если Виктор Петрович там?

— После четырёх его нет. Только Тамара Ильинична иногда задерживается в учительской, но она далеко.

Витька снова подумал про то, откуда Артём это знает. Но не спросил. Потому что уже шёл за ним — по коридору, мимо столовой, мимо спортивного зала, обратно — к лестнице на третий этаж.

Кабинет географии был заперт. Артём приложил ладонь к двери, надавил — и дверь открылась. Не заперта. Просто прикрыта.

— Нам везёт, — сказал он.

Витьке это «везёт» не понравилось. Слишком гладко всё шло. Слишком легко. Как будто кто-то расставил всё заранее.

Они вошли. В кабинете было сумеречно — шторы задернуты, свет из окна серый, мутный. Пахло мелом и старыми картами. На стенах висели климатические пояса Земли, и Витьке показалось, что они смотрят на него — все эти Африки, Австралии, Антарктиды.

Шкаф стоял в углу. Тот самый. Дубовый, с резьбой, с птицами на дверцах.

— Давай, — сказал Артём.

Витька подошёл. Вставил ключ в скважину. Ключ вошёл туго, сопротивлялся, как будто не хотел. Витька повернул —

и замок щёлкнул.

Тихо. Почти неслышно.

— Открывай, — сказал Артём.

Витька взялся за ручку дверцы. Постоял. Вдохнул.

И открыл.

Глава 10. Что было в шкафу

Сначала Витка ничего не понял.
В шкафу лежали тетради. Много тетрадей — старых, с

пожелтевшими страницами, с обложками, изъеденными молью. Пахло от них пылью и чем-то ещё — сухим, бумажным, чуть-чуть — деревом. Как будто тетради лежали здесь очень давно. Может быть, годы. Может быть, десятилетия.

— Это что? — прошептал Витька.

— Дневники, — сказал Артём.

Он взял одну тетрадь — верхнюю, в клеёнчатой обложке. Чёрной. Витька узнал её сразу. Ту самую. Или такую же.

— Это же...

— Да, — сказал Артём. — Она.

Он открыл тетрадь. На первой странице — те же слова, что и в Витькином дневнике. Только старше. Написано чернилами, ровным почерком:

ДНЕВНИК. ЧИТАТЬ НЕЛЬЗЯ.В.С.

Витька замер.

— В.С., — сказал он. — Это... это как у меня. Я тоже так написал. «В.С.»

Артём посмотрел на него. Спокойно, без удивления.

— Я знаю.

— Ты знал?

— Догадывался.

— Но откуда?.. — Витька смотрел на тетрадь в его руках, и в голове у него что-то не сходилось. — Это ведь... это чей-то дневник. Чей?

Артём перелистнул страницу. Прочитал вслух:

— «7 сентября. Сегодня ничего не произошло. Но я ре-

шил, что буду писать каждый день...»

Витька почувствовал, как у него холодеет спина.

Это были его слова. Его. Он написал их вчера. Точнее — он написал их в свою тетрадь. А теперь они были здесь — в чужой тетради, в шкафу, написанные чужим почерком.

— Как... — прошептал он. — Как это возможно?

— Не знаю, — сказал Артём. Но по его лицу Витька видел: он знал. Или догадывался. Или... что-то ещё.

— Ты знал, что там будет это, — сказал Витька. Голос дрогнул. — Ты знал, что мы найдём. Поэтому ты и привёл меня сюда. Поэтому ты знал, где ключ. Поэтому ты знал, что завхоз уйдёт в четыре.

Артём молчал.

— Зачем? — Витька сделал шаг к нему. — Зачем ты всё это сделал?

Артём закрыл тетрадь. Посмотрел на Витьку.

— Потому что это твой дневник, — сказал он. — Или будет твой. Или... был.

— Что?

— Витька, — сказал Артём. — Здесь лежат дневники. Много. Все разные. Но все — чьи-то. Я нашёл эту тетрадь три дня назад. Случайно — я искал карты для доклада и увидел, что шкаф приоткрыт. Я посмотрел — и там был твой почерк. Твоё имя. Всё — как у тебя.

— Но это невозможно, — сказал Витька. — Я только начал писать дневник. Две недели назад.

— А этот дневник, — Артём перевернул тетрадь и показал последнюю страницу, — написан в 1963 году.

Витька смотрел на дату. 14 октября 1963 года. Прошло шестьдесят лет.

— Это не может быть мой дневник, — сказал он. — Мне десять лет. Я не мог...

— Не мог, — согласился Артём. — Но это он.

Он протянул тетрадь Витьке. Витька взял. Открыл наугад.

15 сентября.

Сегодня Круглов позвал меня в музей. Ночью. Я отказался. Не знаю, правильно ли.

Он перелистнул ещё.

22 сентября.

Мы с Артёмом открыли шкаф. Внутри были тетради. Много. Я не понимаю, что это значит.

Витька поднял глаза на Артёма.

— Тут мы, — сказал он. — Тут мы — я и ты. Но это 1963 год.

— Да, — сказал Артём.

— Как?

— Не знаю. Но я думаю, что шкаф — это не просто шкаф. Я думаю, что он показывает что-то. Что-то важное.

— Что?

Артём молчал. Потом сказал:

— Может быть, будущее. А может быть, прошлое. А может быть — то, что могло бы быть.

Витька закрыл тетрадь. Руки дрожали. Он посмотрел на шкаф — на другие тетради, которые лежали внутри, тихие, пыльные, ждущие.

— А что в остальных? — спросил он.

— В остальных — другие люди, — сказал Артём. — Я посмотрел. Там есть дневник девочки, которая жила в нашем доме. И мальчика, который потом стал учителем. И ещё кого-то. Я не успел прочитать.

— Почему?

— Потому что я хотел, чтобы ты увидел сам. Это твой дневник. Не мой.

Витька смотрел на него. И вдруг понял, что Артём — не тот, кем кажется. Что за его очками, за его спокойствием, за его странными вопросами — что-то есть. Что-то, что Витька пока не может назвать.

— Ты знал, что я заведу дневник, — сказал он.

— Догадывался.

— Откуда?

— Потому что я видел тебя в коридоре. С тетрадкой. Я подумал: этот мальчик что-то ищет. И он найдёт.

— И ты решил помочь.

— Да.

— Зачем?

Артём посмотрел на шкаф. Долго. Потом сказал:

— Потому что я тоже что-то ищу. И мне нужен был кто-то, кто ищет вместе со мной.

Витька молчал. В шкафу лежали тетради. Много. Чужие жизни, чужие слова, чужие тайны. И среди них — его собственная. Написанная шестьдесят лет назад.

Он не понимал, что это значит. Но он знал: это важно. Это — настоящее. Впервые в его жизни — настоящее.

— Ладно, — сказал он. — Что дальше?

Артём улыбнулся. Впервые — по-настоящему.

— Дальше будем читать.

Глава 11. Ночное чтение

Они читали до темноты.

Сели на пол у шкафа, скрестив ноги, как на пионерском

сборе, и передавали тетради из рук в руки. Свет из окна гас медленно — сначала серый, потом синий, потом почти чёрный. В кабинете стало темно, и Артём достал из рюкзака маленький фонарик. Не телефон — настоящий, на батарейках.

— У тебя всё продумано, — сказал Витька.

— У меня папа рыбак, — ответил Артём. — Он всегда берёт фонарик. На всякий случай.

Витька хотел спросить, кто его папа и почему он рыбак, но не стал. Не сейчас. Не в этот момент.

Он открыл свою тетрадь. Ту, чужую. 1963 год.

7 сентября.

Сегодня ничего не произошло. Но я решил, что буду писать каждый день. Потому что если не писать, то ничего и не запомнится. А если не запомнится — значит, и не было.

Он читал и не мог отделаться от чувства, что смотрит в зеркало. Слова были его. Даже не слова — ритм. Паузы. То, как он ставил точки. Как будто он сам это написал. Как будто он сам сидел за этим столом, шестьдесят лет назад, и выводил буквы — кривые, заваливающиеся, как пьяные солдатики.

— Артём, — сказал он. — А ты уверен, что это не я? Ну, что я... что я жил тогда? Что я — это он?

Артём посмотрел на него.

— А ты как думаешь?

— Не знаю. Я ничего не помню про 1963 год. Я вообще тогда не жил. Я родился в две тысячи пятнадцатом.

— А он? — Артём показал на тетрадь.

— Не знаю. Тут не написано.

— Почитай дальше.

Витька перелистнул.

10 сентября.

Сегодня нам объявили про музей. Мы идём в пятницу. Вечером. Тамара Ильинична сказала, что будет интересно. Я не верю. Но пойду. Потому что если не пойти, то ничего и не будет.

Витька замер.

— Тамара Ильинична, — прошептал он. — Она что, тогда уже работала?

— Наверное. Или работала другая. Ты не думай, что это точно наш мир. Может, это похожий мир. Может, это как отражение.

— Как отражение?

— В зеркале. Всё то же — но другое. Понимаешь?

Витька не понимал. Но кивнул.

Он читал дальше.

13 сентября.

Сегодня Круглов позвал меня в музей. Ночью. Я отказался.

Круглов сказал, что я струсил. Я сказал, что нет. Я сказал, что просто не хочу. Он не поверил. Но это правда. Я не хочу делать то, что неправильно. Даже если все делают.

Витька поднял глаза.

— Тут написано: «Круглов». Как у нас.

— Да.

— И «музей».

— Да.

— И то, что я отказался.

— Да.

— Артём, — сказал Витька. — Это не может быть совпадением. Всё сходится. Всё — как у нас. Только год другой.

— Может быть, это и не совпадение, — сказал Артём.

— А что тогда?

Артём отложил свою тетрадь — он читал другую, с зелёной обложкой. Посмотрел на Витьку.

— Может быть, это закономерность. Может быть, все дети в четвёртом классе проходят одно и то же. Только по-разному. Кто-то заводит дневник. Кто-то идёт в музей ночью. Кто-то отказывается. И от того, что они выбирают, зависит...

— Что?

— Всё.

Витька смотрел на него. В темноте, при свете фонарика, Артём казался старше. Не на десять лет. На сто.

— Ты поэтому приехал сюда? — спросил Витька. — В нашу школу?

Артём долго молчал. Потом сказал:

— Может быть.

— А откуда ты приехал?

— Издалека.

— Откуда?

— Из города, который называется Тарасовка. Это в Сибири.

— А зачем ты приехал?

Артём посмотрел на шкаф.

— Потому что здесь шкаф.

Витька хотел спросить ещё что-то, но в этот момент в коридоре слышались шаги.

Тяжёлые. Размеренные. Кто-то шёл по третьему этажу.

Глава 12. Сторож

— Прячься, — прошептал Артём.
Он схватил тетради и сунул их обратно в шкаф. Витька —

свою тоже. Артём закрыл дверцу, повернул ключ — раздался тихий щелчок. Потом схватил Витьку за руку и потянул за собой.

Они забились за шкаф. Там было узко — между шкафом и стеной, на полу лежала стопка старых карт. Витька присел, прижался спиной к холодной стене. Артём — рядом, плечо к плечу.

Шаги приближались.

Они остановились у двери. Витька услышал, как ручка повернулась. Как дверь скрипнула. Как в кабинет вошёл человек — тяжело, не спеша. Шаг. Ещё шаг. Остановился.

Витька затаил дыхание. Фонарик Артём уже выключил — темнота была полная, хоть глаз выколи. Только в щели между шкафом и стеной виднелась полоска — серо-жёлтая, от уличного фонаря.

Человек стоял посреди кабинета. Молчал. Витька слышал, как он дышит — тяжело, с хрипотцой, как старик.

Потом человек пошёл к шкафу.

Витька почувствовал, как Артём напрягся. Как его плечо стало каменным. Как он сжал Витькину руку — сильно, до боли.

Человек остановился у шкафа. Витька слышал, как он провёл рукой по дверце — медленно, как будто гладил. Как будто искал что-то.

Потом он сказал — тихо, почти шёпотом:

— Опять. Опять открывали.

Витька замер.

Голос был старый. Дребезжащий. Но в нём было что-то знакомое. Что-то, что Витька уже слышал.

Человек постоял ещё немного. Потом повернулся и пошёл к выходу. Шаги удалились. Дверь закрылась.

Витька сидел и не двигался. Сердце колотилось где-то в ушах.

— Кто это был? — прошептал он.

— Не знаю, — сказал Артём. — Но он знал про шкаф.

— Он сказал: «Опять открывали».

— Да.

— Значит, его уже открывали. До нас.

— Значит, открывали.

Они вылезли из-за шкафа. Артём включил фонарик. Витька посмотрел на дверцу — ключ торчал в замке. Он его не вынул.

— Надо вернуть ключ, — сказал он.

— Да. Идём.

Они вышли из кабинета. Коридор был пуст. Только лампы мигали — одна, вторая, третья. Витька шёл за Артёмом и всё время оглядывался.

Ключ они вернули на место. Ящик завхоза был по-прежнему открыт. Артём положил связку туда, где взял. Закрыв ящик.

— Всё, — сказал он. — Идём домой.

Они вышли из школы через чёрный ход — дверь была

приоткрыта, как будто кто-то специально оставил её. На улице было темно и холодно. Пахло дождём.

— Артём, — сказал Витька.

— Что?

— Кто это был? Тот человек?

Артём помолчал. Потом сказал:

— Я думаю, это Виктор Петрович.

— Учитель географии?

— Да.

— Но он же... он же старый. Он не мог ходить ночью по школе.

— Мог, — сказал Артём. — Если ему надо.

Витька смотрел на него.

— А зачем ему надо?

— Не знаю. Но узнаю.

Они попрощались у метро. Артём пошёл в одну сторону, Витька — в другую. Дома Витька записал в дневнике:

14 сентября.

Сегодня мы открыли шкаф. Внутри были дневники. Много. И среди них — мой. Только из 1963 года. Я не понимаю, как это возможно. Но это так.

Ещё мы видели человека. Я думаю, это Виктор Петрович. Он сказал: «Опять открывали». Значит, он знает про шкаф. Значит, он знает больше, чем говорит.

Я не понимаю, что происходит. Но я не боюсь. Потому что теперь я не один. У меня есть Артём. И у меня есть дневник.

Настоящий.

Завтра поговорю с Виктором Петровичем.

Глава 13. Разговор с учителем

Виктор Петрович вёл у них географию по вторникам и четвергам. Он был старый — очень старый, наверное, лет

семьдесят. Седой, сутулый, с большими руками, которые всё время что-то вертели — мел, указку, край пиджака. Говорил он медленно, будто каждое слово доставал откуда-то из глубины.

В четверг Витька остался после урока.

— Виктор Петрович, можно вопрос?

Учитель поднял глаза. Смотрел долго, внимательно. Как будто ждал этого вопроса. Как будто знал, что Витька подойдёт.

— Можно, Снигирёв. Спрашивай.

— Что в шкафу?

Виктор Петрович не удивился. Не нахмурился. Не сказал: «Какой шкаф?» Он просто отложил указку и сел за стол.

— А ты как думаешь?

— Дневники.

— Какие?

— Разные. Чужие. И мой.

Виктор Петрович кивнул. Медленно. Как будто подтверждал что-то, что знал давно.

— Ты открыл его, — сказал он. Не спросил — сказал.

— Да.

— И что ты там увидел?

— Я не понимаю, — честно сказал Витька. — Там мой дневник. Но он из 1963 года. И там написано то же, что я пишу сейчас. Только имена другие... или те же... Я не понимаю.

Виктор Петрович долго молчал. Смотрел в окно. За ок-

ном шёл дождь — мелкий, осенний, серый. Капли стекали по стеклу и собирались в лужицы на подоконнике.

— Знаешь, Витя, — сказал он наконец, — я пришёл в эту школу в 1963 году. Мне было десять лет. Я учился в четвёртом классе «Б». И у меня был друг — Артём.

Витька замер.

— Артём?

— Да. Артём Лебедев. Он перешёл к нам осенью. Из другой школы. Странный был мальчик. Тихий. Читал всё время. И однажды он показал мне шкаф в кабинете географии.

Витька почувствовал, как у него холодеют руки.

— И что было в шкафу?

— Дневники, — сказал Виктор Петрович. — Много. И среди них — мой. Из будущего.

— Как из будущего?

— А вот так. — Виктор Петрович улыбнулся — грустно, одними глазами. — Там лежала тетрадь с моим почерком. И с датами, которые ещё не наступили. И там было написано то, чего я ещё не сделал. Но сделаю.

— И что вы сделали?

— Я прочитал. И понял, что должен. Понимаешь?

— Нет.

— Тогда не понимал и я. Но с годами понял. Шкаф — это не просто шкаф. Это место, где сходятся времена. Где прошлое и будущее рядом. И где каждый может увидеть себя — настоящего. Не того, кем он кажется. А того, кем он

является.

Витька молчал.

— А Артём? — спросил он наконец. — Что стало с ним?

Виктор Петрович посмотрел на него. Долго. Потом сказал:

— Он уехал. Через год. Его отец был военный, их переводили. Мы больше не виделись.

— И всё?

— И всё.

Витька стоял и не знал, что сказать. В голове было пусто и гулко, как в пустом коридоре.

— Виктор Петрович, — сказал он. — А тот Артём... он вернётся?

Учитель посмотрел на него. И вдруг Витьке показалось, что он смотрит не на него, а куда-то дальше. Сквозь него. В другое время.

— Может быть, — сказал он. — Может быть, уже вернулся.

Он встал, взял указку и пошёл к доске. Урок закончился. Разговор — тоже.

Витька вышел в коридор и пошёл домой. Дождь не кончился. Он шёл и думал.

«Артём Лебедев. Тот, из 1963 года. И тот, который сейчас. Это один и тот же? Или разные? И почему он вернулся? И что он ищет?»

Он не знал ответов. Но он знал, что будет искать.

Вечером он записал:

14 сентября, поздно.

Я поговорил с Виктором Петровичем. Он был в 1963 году. У него тоже был шкаф. И у него тоже был Артём.

Я не знаю, что это значит. Может быть, история повторяется. Может быть, люди возвращаются. Может быть, всё, что было — будет снова.

Но я знаю одно: я не хочу, чтобы Артём уехал. Я хочу, чтобы он остался. Потому что он — настоящий. Как шкаф. Как дневник. Как всё, что важно.

Глава 14. Второй дневник

На следующий день Артём не пришёл в школу. Витька ждал его на первой перемене. На второй. На тре-

тгей — не выдержал, спросил у Тамары Ильиничны.

— Артём Лебедев? — Она посмотрела в журнал. — Он заболел. Мама звонила. Простыл.

Витька кивнул и пошёл на место. Но что-то было не так. Что-то в голосе Тамары Ильиничны. Что-то в её взгляде. Как будто она знала больше, чем говорила.

После уроков Витька пошёл к Артёму. Адрес он знал — Артём говорил, что живёт недалеко от школы, в старом доме с аркой. Витька шёл и думал: «Простыл. Ну конечно. Простыл».

Дом был старый — пятиэтажка с лепниной на фасаде, с аркой, ведущей во двор. Витька нашёл квартиру — третий этаж, дверь обитая коричневым дерматином. Позвонил.

Открыла женщина. Худая, усталая, с серыми глазами — такими же, как у Артёма.

— Здравствуйте, — сказал Витька. — Я Витька. Из класса. Артём... он заболел. Я пришёл проведать.

Женщина посмотрела на него. Долго. Потом сказала:

— Его нет.

— Как нет?

— Уехал.

— Куда?

— В Тарасовку. К отцу.

Витька стоял и не понимал.

— Но он же... он же только приехал. Две недели назад.

— Да, — сказала женщина. — Так бывает. Отец перевёл-

ся. Мы уезжаем.

— Но он не попрощался. Он ничего не сказал.

Женщина молчала. Потом сказала:

— Он оставил тебе. Вот.

Она протянула ему тетрадь. Чёрную, в клеёнчатой обложке.

Витька взял. Руки дрожали.

— Спасибо, — сказал он.

— Иди, — сказала женщина. — И не ищи его. Не надо.

Она закрыла дверь.

Витька стоял на площадке. В руках — тетрадь. Чёрная, с блестящими пупырышками. Как его собственная. Как та, из 1963 года.

Он открыл первую страницу.

Написано печатными буквами:

ДНЕВНИК. ЧИТАТЬ НЕЛЬЗЯ.А.Л.

И ниже, другим почерком — торопливым, как будто в спешке:

Витька.

Я знал, что ты придёшь. Поэтому оставил. Читай. Там всё, что я не успел сказать.

Не ищи меня. Я вернусь.

А.Л.

Витька закрыл тетрадь. Прижал к груди. Пошёл домой.

Глава 15. Дневник Артёма

Дома Витька заперся в комнате. Сел за стол. Открыл тетрадь.

1 сентября.

Меня зовут Артём. Мне десять лет. Я живу в Тарасовке. Но это неважно.

Важно то, что я знаю: в школе номер семь, в городе, где я никогда не был, есть шкаф. И в этом шкафу лежат дневники. И среди них — мой. Из прошлого.

Я не знаю, как это возможно. Но я знаю, что это так. Потому что я видел этот шкаф. Во сне. Каждую ночь. Я видел мальчика. Он сидит за столом и пишет. Я не знаю его имени. Но я знаю, что должен его найти.

Витька перелистнул.

5 сентября.

Мы переезжаем. Отец получил перевод. В город, где школа номер семь. Я не знаю, что это за город. Но я знаю, что это мой шанс.

Я найду мальчика. Я найду шкаф. Я всё исправлю.

Витька замер. «Всё исправлю»? Что он должен исправить?

Он читал дальше.

12 сентября.

Я нашёл его. Он здесь. Его зовут Витька. Он не знает, что его ждёт. Но я знаю. Я видел дневник. Я знаю, что он должен сделать выбор. И я знаю, что если он выберет неправильно — всё закончится плохо.

Я не могу ему сказать. Он не поверит. Он должен сам.

Витька перелистнул ещё.

13 сентября.

Он отказался идти в музей. Это хорошо. Это значит, что он выбрал правильно. Но этого мало. Ему ещё многое предстоит. И я не смогу быть рядом.

Я знаю, что скоро уеду. Отец не будет ждать. Но перед этим я оставлю ему дневник. И тогда он всё поймёт.

Последняя страница.

14 сентября.

Витька.

Если ты читаешь это — я уехал. Прости, что не попрощался. Так надо.

Я знаю, что ты не понимаешь. Я знаю, что тебе страшно. Но ты справишься. Потому что ты — сильный. Сильнее, чем думаешь.

Помни: шкаф — это не просто шкаф. Это место, где можно увидеть своё будущее. Не одно. Разные. И выбрать, каким оно будет.

Я выбрал своё. Теперь твоя очередь.

Не бойся. Я вернусь. Когда ты будешь готов.

А.Л.

Витька закрыл тетрадь. Сидел и смотрел в стену. В комнате было тихо — только часы на полке тикали, да за окном кто-то во дворе стучал мячом. Обычные звуки. Обычный вечер. Но всё было не обычное.

«Разные будущие. И выбрать, каким оно будет».

Он открыл тетрадь снова. Перечитал последнюю страни-

цу. Потом первую. Потом середину.

2 сентября.

Мне снился сон. В нём был шкаф. Я открыл дверцу и увидел много тетрадей. Я взял одну — и это был мой дневник. Только написанный не мной. А мной — из другого времени.

Я не понимаю. Но я знаю: это важно.

Витька отложил тетрадь. Посмотрел на свою — ту, из 1963 года. Потом на свою — нынешнюю. Три тетради. Три времени. Три мальчика. Или один мальчик — в трёх временах.

Он встал, подошёл к окну. На улице было темно. Фонарь горел — тот самый, который рисовал полосы на потолке. Витька смотрел на него и вдруг понял: он больше не боится темноты. Не боится неизвестности. Не боится того, что будет.

Потому что теперь он знал: прошлое и будущее рядом. И всё, что он делает сейчас, — важно. Даже если он этого не видит. Даже если не понимает.

Он вернулся за стол. Открыл свой дневник. Нашёл страницу, где написал: «ДНЕВНИК. ЧИТАТЬ НЕЛЬЗЯ». Посмотрел. Улыбнулся. И дописал ниже — другими буквами, торопливо:

Читать — можно. Всем, кто ищет.

Потом закрыл тетрадь и пошёл ужинать. Мама грела суп. Папа читал газету. Всё было как всегда. И всё было по-другому.

— Витя, — сказала мама. — Ты чего такой?

— Я?

— Ты. Сияешь, как самовар.

Витка пожал плечами.

— Просто день хороший.

Мама посмотрела на него внимательно. Потом на папу.

Папа поднял глаза от газеты и чуть заметно улыбнулся. Как будто знал. Как будто всегда знал.

— Ладно, — сказала мама. — Ешь. И спать.

— Ага.

Ночью Витка записал последнюю запись в этот дневник:

15 сентября, ночь.

Сегодня я узнал, что Артём уехал. И что он знал про шкаф больше, чем я. И что он вернётся.

Я не знаю, когда. Не знаю, зачем. Но я буду ждать. Потому что он — мой друг. Настоящий.

И ещё я понял одну вещь. Взрослеть — это не когда ты становишься большим. Это когда ты понимаешь: то, что ты делаешь, важно. И что выбирать надо самому. Никто за тебя не выберет.

Я выбрал. Не знаю, правильно ли. Но я выбрал.

Всё. Конец дневника. Пока.

В.С.

Он закрыл тетрадь, спрятал её в папку, папку — под кровать. Лёг. Фонарь за окном снова рисовал полосы на потолке. Серые, длинные, тихие.

Витька смотрел на них и думал: «А что дальше?»

И засыпал с мыслью, что дальше — будет. Обязательно будет.

Глава 16. Возвращение

Прошло три недели.

Витька ходил в школу, писал в дневник, слушал Тамару

Ильиничну. Всё как всегда. Только каждый день, заходя в класс, он смотрел на парту у окна — ту, где сидел Артём. Она была пустая. Потом за неё посадили Аню Смирнову, и парта стала обычной. Аня была хорошая, она негромко смеялась и всегда давала списать домашку.

Но Витька всё равно иногда смотрел на неё и вспоминал.

В начале октября, в среду, в класс вошла Тамара Ильинична. Вместе с ней — мальчик. Небольшого роста, в очках. С белыми руками. С серыми глазами, как вода в стакане.

Витька замер.

— Ребята, — сказала Тамара Ильинична. — К нам вернулся Артём Лебедев. Прошу любить и жаловать.

Артём пошёл по проходу. Медленно, не суетясь. Как тогда, в первый раз. Только теперь он смотрел не вперёд, а на Витьку. Прямо. Без улыбки. Но что-то в его взгляде было другое. Что-то, чего раньше не было.

Он сел рядом. На своё место. Молча достал тетрадь. Обычную, в линейку.

— Привет, — сказал Витька.

— Привет.

— Ты вернулся.

— Я сказал, что вернусь.

— Ты сказал: «Когда я буду готов».

— Я готов, — сказал Артём. — А ты?

Витька посмотрел на него. На его очки, на его руки, на его серые глаза. И понял: он тоже готов. Ко всему.

— Готов, — сказал он.

Артём кивнул. И — впервые за всё время — улыбнулся. По-настоящему. Широко. Как улыбаются, когда возвращаются домой.

— Тогда начнём, — сказал он. — Сначала.

— С чего?

Артём посмотрел на окно. За окном летел тополиный пух — хотя была осень, и пуха быть не должно. Но он летел. Медленно, лениво. Как будто ему было всё равно, что на календаре октябрь.

— Со шкафа, — сказал Артём. — Мы ведь не дочитали. Витька улыбнулся.

— Не дочитали.

— Значит, дочитаем.

И в этот момент прозвенел звонок. Тамара Ильинична открыла журнал, начала перекличку. Круглов опять что-то шептал соседу. Даша Ким писала в блокноте. Всё было как всегда.

Но Витька знал: теперь всё будет по-другому.

Потому что тайна — она не заканчивается. Она только начинается.

Эпилог. Через много лет

Витьке Снегирёву было сорок пять лет, когда он снова пришёл в школьный музей.

Он давно переехал в другой город. Работал журналистом. Писал статьи про людей и время. Про то, как прошлое не отпускает. Про то, как будущее начинается с выбора.

Но однажды ему позвонили из родной школы. Сказали: музей закрывают. Фонды переезжают. Приходите, если хотите забрать что-то своё.

Он приехал. Долго ходил по залам — по тем самым, где когда-то в темноте искал шкаф. Потом зашёл в кабинет географии. Тот самый. Виктор Петрович давно умер, но в кабинете всё осталось — карты на стенах, глобусы на полках, дубовый шкаф в углу.

Шкаф стоял открытый. Пустой.

Витька подошёл. Заглянул внутрь. На дне лежала одна тетрадь. Чёрная, в клеёнчатой обложке.

Он взял её. Открыл.

На первой странице — печатными буквами:

ДНЕВНИК. ЧИТАТЬ НЕЛЬЗЯ.В.С.

И ниже — другим почерком, торопливым:

Читать — можно. Всем, кто ищет.

Витька перелистнул. Дальше шли записи. Его записи. Из четвёртого класса. Из 2025 года. Он читал и вспоминал: Артёма, шкаф, ночной музей, разговор

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.